

Портрет Петра III и Екатерины II

Совместные похороны Екатерины II и Петра III

М. О. Логунова

Петр III (Петер-Карл-Ульрих Шлезвиг-Гольштейн-Готторпский) (20.02.1728–6.07.1762), император Российский, отрекся от престола 29 июня 1762 года, после того как его супруга Екатерина Алексеевна взяла власть в свои руки и приняла присягу гвардии 28 июня 1762 года.

Жизнь внука Петра Великого продолжалась недолго после отречения, он вскоре погиб и был похоронен в голубом мундире голштинских драгун в Благовещенской церкви Александро-Невского монастыря¹ рядом с правительницей Анной Леопольдовной.

Екатерина не участвовала в похоронах своего мужа, погибшего при странных обстоятельствах, которые, очевидно, во всех деталях никогда не будут выяснены. Возникло огромное количество мифов и легенд как о смерти бывшего императора, так и о его похоронах. Некоторый свет на действительное положение вещей могут пролить документы.

Среди них «Журнал 1796 года»², «Церемониал погребения Петра III и Екатерины II»³, «Описание процессии перенесения тела Петра Федоровича <...> в Зимний дворец и при перенесении потом обоих тел вместе из Зимнего дворца в Петропавловский собор»⁴, гравюра В. Иванова по рисунку М. Шапошникова с изображением катафалка обоих супругов в Петропавловском соборе⁵, где они были похоронены в едином склепе, Камер-фурьерский журнал за 1796 год⁶ и др.⁷

Императрица Екатерина II скончалась в четверг 6 ноября 1796 года в 10 часов 45 минут после кратковременной болезни. При переводе на современный медицинский язык диагноз звучал бы так: геморрагический инсульт в левом полушарии головного мозга⁸. Павел Петрович находился около умирающей матери и, по свидетельствам очевидцев, рыдал, целовал ей руки и «все члены», показывая всю печаль сына «с возможнейшими изъявлениями всей детской своей любви»⁹. Когда императрица испустила последнее дыхание, великая княгиня Мария Федоровна «вступила в распоряжение» порученного ее попечению тела, которое было обмыто и облачено в пристойное платье – на покойницу надели традиционный в подобных случаях белый атласный шлафрок¹⁰, после чего бранные останки монархини были положены на ее кровать, и все члены императорской семьи подходили целовать руку усопшей. С этого времени начиналось традиционное чтение Евангелия у тела по очереди придворными и приходскими священниками и объявлялся глубокий траур при дворе.

Далее в сопровождении представителей своего многочисленного семейства Павел I и Мария Федоровна направились в Большую церковь Зимнего дворца, по дороге принимая поздравления по поводу вступления на престол от придворных, собранных по случаю во дворце. В церкви императорскую чету ждало духовенство: первые чины Синода во главе с митрополитом Санкт-Петербургским и Новгородским Гавриилом с крестом и святой водой, которой их и окропили. Генерал-прокурор Самойлов прочитал манифест о кончине императрицы и о вступлении на наследный «прародительский престол» государя императора Павла Петровича, после чего началось действие,

с которого отсчитывалось новое правление – принесение присяги. Первой присягнула супругу Мария Федоровна, потом по очереди цесаревич Александр и великий князь Константин с супругами, великие княжны, за ними потянулись все присутствующие во главе с митрополитом Гавриилом. В тот день манифестом¹¹ народу было объявлено о смерти императрицы и началось дежурство при теле Екатерины II, в списке дежурных первым указан генерал-лейтенант И. И. Шувалов, есть имена братьев Платона и Николая Зубовых. Уже на следующий день началась раздача милостей, которая обычно сопровождала вступление на престол нового правителя: награждения чинами, орденами, деньгами. Пожалуй, никогда до и после не было такого количества облагодетельствованных, и, кстати сказать, ни одно вступление на престол не было истолковано впоследствии так превратно.

8 ноября тело императрицы было «анатомировано» и бальзамировано. Тот день ознаменовался именным манифестом императора, данным тайным советником князю Н. Б. Юсупову, обер-церемониймейстеру Валуеву и действительному статскому советнику Карадькину «Об учреждении Печальной комиссии для перенесения в соборную Петропавловскую церковь тела государя императора Петра Федоровича и для погребения тела государыни императрицы Екатерины Алексеевны»¹². Вряд ли желание Павла Петровича перенести прах его отца из Александро-Невского монастыря в официальную усыпальницу российских императоров было мгновенным импульсивным порывом. Учреждение Печальной комиссии являлось обязательным для нового монарха, только что приступившего к своим обязанностям. Следовало погребсти тело предшественника с подобающими

почестями, что и было сделано по отношению к его матери, однако Павел Петрович пошел дальше. Безусловно, можно только догадываться обо всех целях и задачах такого указа монарха, но представляется, что для императора важно было, во-первых, подчеркнуть незыблемость династического принципа монархического строя, когда власть передается представителям одного семейства, а в данном случае еще и соблюсти установившуюся традицию передачи власти наследнику от родителя, в патриархальной стране от отца к старшему сыну. Во-вторых, требовалось восстановить справедливость, нарушенную, по его мнению, по отношению к его родителю, похороненному не в официальной императорской усыпальнице, а в Александро-Невском монастыре, где, впрочем, была похоронена и его сестра цесаревна Анна Петровна, первая супруга Наталья Алексеевна¹³, дочь Ольга и многие другие родственники. Еще одной причиной публичного перезахоронения останков Петра III с соблюдением всех тонкостей государственного церемониала современники называли желание Павла выбить почву из-под ног злопыхателей, шептавшихся о его незаконном происхождении не от его отца, то есть о сомнительности его прав на прародительский престол¹⁴. Перезахоронение становилось государственным актом, неоспоримым для всего мира.

В тот день Павел I изуточно повелел создать две траурные короны для похорон обоих родителей¹⁵. С 10 ноября началось отправление панихид не только по усопшей императрице «всей России», но и по ее давно умершему супругу: «по родителе царствующего императора благочестивейшем великом государе императоре Петре III всея России». 15 ноября тело Екатерины II, одетое самой Марией Федоровной в богатое «русское» платье из серебряной парчи с золотыми кружевами и длинным семиметровым шлейфом и наложенными на него орденовыми лентами было торжественно перенесено в Тронную комнату на парадную кровать.

19 ноября произошло событие, давшее повод для слухов и сплетен на века. По Летописи Александро-Невской лавры: «1796 года Ноября 19-го числа, повелением благоче-

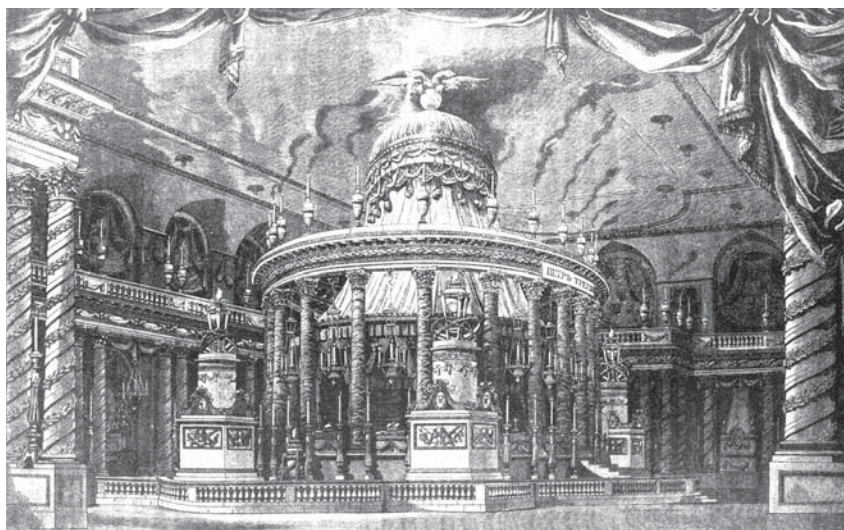
А. П. Антропов.
Портрет императора Петра III.
1762 г.

стивейшего самодержавнейшего, великого государя нашего Павла Петровича, вынута тело в Невском монастыре погребенного, покойного благочестивейшего государя Императора Петра Феодоровича, и в новый сделанный великолепный гроб, обитый золотым глазетом, с гербами императорскими, в приличных местах с гасами серебряными, с старым гробом тело его положено»¹⁶. В тот день в семь часов вечера Павел и Мария Федоровна прибыли в монастырь в сопровождении великих князей. Они прошли в нижнюю Благовещенскую церковь, где «открыт был гроб; к телу покойного государя изволили прикладываться

его императорское величество, ее величество и их высочества, и потом закрыто было»¹⁷, и митрополит Гавриил соборно с архиепископом Казанским Амвросием, митрополитом Греческим Хрисанфом и викарием епископом Досифеем отслужили панихиду и отбыли в Зимний дворец¹⁸.

На этом эпизоде следует остановиться особо, ибо эпизоды с эксгумацией тела, надеванием на мертвое чело короны и торжественные вторичные похороны возбуждали умы современников и потомков, которые не могли представить, к чему «прикладывался» царь и представлял «прикладываться» свою жену и детей. По свидетельству очевидцев, в гробу был лишь костный прах и части одежды¹⁹. Но что еще могло оставаться от тела, похороненного 34 года назад? Корона привезена была несколько позже, о ней разговор впереди. Абстрагируясь от деталей, можно сказать, что это единственное упоминание об открытом гробе. В дальнейшем вся информация будет о том, что Павел и члены императорской семьи *прикладывались к гробу* (курсив мой. – М. Л.), корона возлагалась на *гроб* (курсив мой. – М. Л.).

За легендарным истолкованием деталей упустили главную идею. Павел Петрович заставил всех членов своей семьи проявить уважение к отцу семейства, свергнутому с законного престола, незаслуженно оклеветанному, погребенному там, где не хоронили правителей страны. Представляется, что попытка Павла I

Катафалк в Зимнем дворце над гробом Петра III.
Гравюра Майера. Конец XVIII в.

Печальная процессия перенесения праха Петра III из Александро-Невского монастыря в Зимний дворец 2 декабря 1796 г. Неизвестный художник. Фрагмент. Отделение регалий

сплотить семью вокруг ее главы являлась подготовкой к тому, что было сделано в день его коронации 5 апреля 1797 года, когда монарх через серию законодательных актов определил все аспекты взаимоотношений членов императорской фамилии²⁰. Не мифический «масонский» ритуал²¹, а установление нового династического сценария, когда не единоличный государь представляет власть верховную и держит в страхе своих близких, выбирая по своему произволу себе наследника, а целая императорская семья, в которой все роли расписаны, управляет государством, подчиняясь своему главе и демонстрируя пример подданным. Умысел человеческий не может вторгаться в промысел Божий, вот что важно было продемонстрировать в момент соединения императорской семьи у гроба Петра III. Для поддержания этой высокой идеи требовалось восстановление справедливости относительно незаслуженно обиженного предшественника, особенно, если им был собственный отец. Поэтому-то, как представляется, было продумано заранее и реализовано то действие, которое имело место при эксгумации гроба покойного внука Петра Великого.

На следующий день, 20 ноября, вся императорская фамилия: Павел, Мария Федоровна, великие князья Александр и Константин с женами, великие князья Александр, Елена, Мария и Екатерина Павловны

(младшей Екатерине было восемь лет) в кортеже, состоявшем из 42 карет с конвоем из лейб-гусар и конной гвардии, ездили в Александро-Невский монастырь, где были сделаны все почести, соответствующие императорскому погребению: у гроба Петра III учреждено дежурство из придворных чинов – камергеров и камер-юнкеров, высших генералов, установлен караул в церкви из кавалергардов, а на дворе – гвардейский, над телом проводилось чтение Евангелия иеромонахами и священниками. Митрополит Гавриил со всем собором встречал весь императорский дом в Святых воротах. В нижней Благовещенской церкви, куда в тот момент никого не пускали, и даже духовенство ожидало в алтаре, император и члены семейства прикладывались к гробу своего родителя. Высочайшую семью сопровождали только особо приближенные лица²², затем митрополит Гавриил с прочими архиереями отслужил панихиду по «благочестивейшему великому государю императору Петру Федоровичу вся России», и весь синклит вернулся в Зимний дворец²³. Члены императорской семьи постоянно появлялись в монастыре, отдавая должное давно усопшему Петру III, впрочем, ежедневным было и посещение тела недавно скончавшейся монархини.

День 25 ноября был определен для перенесения останков Екатерины II в *Castrum Doloris*²⁴ и воз-

ложения погребальных корон: одна из них следовала на гроб Петра III, другая была надета на голову Екатерины II. Утром Павел I со старшими сыновьями церемониально, в каретах, сопровождаемый придворными кавалерами и дамами, а также А. Б. Куракиным с золотой короной, полученной им из рук императора, отправился в Александро-Невский монастырь. В монастыре император принял корону от А. Б. Куракина и сам возложил ее на гроб своего родителя. В Летописи Александро-Невской лавры есть упоминание о событии: «При возглашении вечная память (император. – М. Л.) возложил на гроб его императорского величества корону»²⁵. После литии, отправленной митрополитом Санкт-Петербургским Гавриилом с собором, Павел Петрович и его сыновья приложились к гробу и тем же порядком возвратились в Зимний дворец на панихиду в Большой придворной церкви, которую правил преосвященный Амвросий, архиепископ Казанский и Свияжский.

В два часа этого же дня Мария Федоровна церемониально шествовала к телу Екатерины II, и вице-канцлер князь Куракин нес на подушке корону. Мария Федоровна, поклонившись и поцеловав руку покойной, сама возложила на ее голову погребальную корону при помощи камер-юнкеров и камердинеров, которые помогали приподнять тело, поклонилась, поцеловала руку свекрови и покинула комнату. Все это происходило в присутствии великих княгинь, великих княжон, статс-дам и фрейлин. Таким образом, действие разделилось на мужскую и женскую составляющие. Почести Петру III отдавали представители сильной половины императорской семьи, дамы занимались тем же по отношению к Екатерине II.

Пожалуй, этот эпизод вызвал наибольшее количество кривотолков у современников и потомков. О каких коронах ведется речь? Можно ли считать надевание венца на голову усопшему и возложение короны на гроб коронацией? Безусловно, нет. В данном случае говорится об утвердившемся со времен Петра I императорском траурном церемониале, предусматривавшем надевание специально и срочно изготовляемой короны на голову покойного правителя и короны, которая также

срочно создавалась для несения на гробе усопшего монарха. Именно эти короны 25 ноября принимали участие в церемониальном действе с участием Павла I и Марии Федоровны. Такие погребальные короны следует отличать от корон-регалий, количество и набор которых менялись в зависимости от конкретной ситуации. Короны-регалии, иначе – инсигнии, предоставлялись для украшения Печальной залы, их несли в торжественной процессии в Петропавловский собор, где они находились до момента погребения, после чего их возвращали до следующей торжественной церемонии. Некоторые из них, например Большая императорская корона, были задействованы и в других государственных церемониалах, другие, такие как Казанская, Астраханская, Сибирская, принимали участие только в погребении российских императоров²⁶.

Как только умерла Екатерина II, Павел I повелел «художникам Теремным» (Термен) исполнить ответственный заказ – создать золотые траурные короны²⁷, за изготовление которых ювелиры получили 5200 рублей²⁸. Одна из корон, предназначенная для Петра III, была отвезена Павлом Петровичем в Александро-Невский монастырь 25 ноября, другая в тот же день была возложена Марией Федоровной на голову свекрови перед переложением тела Екатерины II в гроб и перенесением в *Castrum Doloris*. Естественно, ни о каком поднятии тела до вертикального положения и о мифической посмертной коронации правившей и уже коронованной императрицы речь не шла, так как имело место точное следование установленному церемониалу императорских похорон. То, что было неотъемлемой частью ритуала, стало восприниматься людьми, не знакомыми с церемониалом, как «совместное коронование» или «сокоронование»²⁹. Для того чтобы дать ответ на вопрос о том, возможно ли посмертное, да еще и совместное коронование, следует остановиться на особенности коронации российских правителей. Собственно коронация ничего не добавляет к титулу монарха, правление которого начинается с принятия присяги подданных. Само коронационное торжество, проводимое через какое-то время после вступления

Печальная процессия перенесения праха Петра III из Александро-Невского монастыря в Зимний дворец 2 декабря 1796 г. Неизвестный художник. Фрагмент. Императорская семья следует за катафалком Петра III

на престол в традиционном месте – Успенском соборе Московского Кремля, включает в себя два главных акта: светский – принятие инсигний, в том числе и короны, и сакральный – миропомазание и причащение в алтаре по священническому чину. Причем этот сакральный акт самостоятельный правитель – мужчина или женщина, проходит вне зависимости от пола. Коронуемая женщина-правитель принимала все инсигнии, включая «мужские», такие как скипетр, и проходила миропомазание и причащение в алтаре, как мужчина-священник³⁰. Поэтому простое прикосновение короны к челу не может считаться коронацией. Императорский титул Петр III получил при присяге подданных, но пройти через действие коронации не успел. Во-первых, он не торопился с торжествами, потому что сомнений в легитимности занятия им престола по наследству, назначении предшественником и его правами не возникло. Кроме этого, необходимо было соблюсти приличия, ибо траур по действовавшему монарху назначался сроком на один год, следовало отдать последнюю честь умершей тетке императрице Елизавете Петровне, надо было определить ощутимый период времени до коронования, кроме всего, следовало подготовить оное. Императрица Екатерина II приняла титул в день дворцового переворота 28 июня 1762 года и подтвердила его коронационным торжеством

в Успенском соборе Московского Кремля 22 сентября того же года. Престол, как известно, не был ее наследственным, не принадлежал ей по назначению предшественником, а достался в результате заговора и переворота, и императрице пришлось поторопиться с коронационными торжествами, легитимизировав ими случившийся факт силового захвата власти. Повторять процедуру после ее смерти никому бы и в голову не пришло, ни один священник не стал бы участвовать в таком святотатстве. Император Павел I был послушным сыном, глубоко верующим человеком и приверженцем строгого исполнения всех дисциплинарных и церемониальных требований, предъявляемых к особе, стоявшей на высшей ступени иерархической лестницы. Короновать императрицу Екатерину прикосновением короны к ее мертвому черепу невозможно, повторной коронации, как уже было сказано, не требовалось, а погребальная корона была таким же необходимым элементом императорского погребения, как мантия, которую клали в гроб, создание декораций *Castrum Doloris*, строительство склепа, отпевание и похороны. Короновать императора Петра III возложением короны на его гроб также было нельзя, ибо ни миропомазания, ни причащения в алтаре он не мог пройти по понятной причине собственной смерти за 34 года до события.

Так что же было сделано? Ничего более, как традиционное церемониальное действо с соблюдением всех актов ритуала. Приняв решение о торжественных, соответствующих рангу обоих родителей совместных похоронах, Павел I следил за правильностью проведения церемониала. Главный вопрос, который задавал новый император свидетелям событий многолетней давности: «Была ли церемония похорон его отца?» В связи с тем, что ответ был отрицательным, решение предсказуемо: если церемонии не было, ее следовало провести, хоть и с опозданием. Для Павла Петровича было важно доказать легитимность прав своего родителя, следовательно, и своих собственных, на прародительский престол, явленную миру через нюансы церемониальных действий. Однако восстановление справедливости в той степени, как понимал ее Павел I, и сакральный акт коронации, ровно ничего не меняющий в данном случае в титуле давно усопшего Петра III, все-таки подписавшего отречение от престола и, следовательно, не являвшегося реальным императором на момент смерти, лежат в параллельных плоскостях и не пересекаются.

Но вернемся в Зимний дворец и продолжим рассказ о событиях 25 ноября 1796 года. После того как была надета погребальная корона, начался торжественный церемониал перенесения останков Екатерины II в *Castrum Doloris*, устроенный в Большой галерее³¹. В великолепном сооружении наподобие рогонды, под шатром между колоннами, на золотых подушках, лежавших на специальных табуретах, располагались императорские регалии. Первое место занимали короны: Казанская, Астраханская, Сибирская и Таврическая, используемая в качестве траурной регалии в первый раз, но ставшая впоследствии обязательной при похоронах российских самодержцев. Короной царства Херсонеса Таврического была «назначена» «корона Мономахова второго разряда», сделанная еще для коронации Петра I в 1682 году³², главное место было определено для Большой императорской короны³³, среди других регалий были выставлены скипетр и держава, а также ставшие традиционными в подобных мероприятиях царские

кавалерии: св. Андрея Первозванного, св. Екатерины, св. Александра Невского, св. великомученика Георгия, св. равноапостольного князя Владимира; иностранных: шведского – Серафимов, прусского – Черного орла, польского – Белого орла, голштинского – св. Анны³⁴. Графиня В. Н. Головина, дежурившая у гроба императрицы, вспоминала, что та лежала в открытом гробу, на голове у нее была золотая корона, императорская мантия закрывала ее почти до шеи³⁵. С того дня был объявлен совместный траур по Петру III и Екатерине II сроком на один год.

2 декабря торжественным шествием останки Петра III были перенесены из Александро-Невского монастыря в Зимний дворец и установлены в Каstrum doloris рядом с гробом Екатерины II. Готовя предстоящее событие, Павел I со старшими сыновьями и маршалами заранее церемониально перевез в монастырь все регалии, включая короны и ордена³⁶. В Летописи сказано: «2-го, по утру в 10 часов, изволил его императорское величество с высочайшею своею фамилиею прибыть в Невский монастырь, откуда, по отправлении высокопреосвященнейшим Гавриилом митрополитом с прочими архиереями и духовенством при гробе его императорского величества малой литии, перенесен гроб с надлежащею церемониею в зимний его императорского величества дом, где по постановлении на назначенное место правлена высокопреосвященнейшим же ми-

трополитом с прочими архиереями и духовенством лития»³⁷.

Все роли в процессии были заранее распределены, все исполнители расставлены по своим местам. Воинские команды, состоявшие из полков гвардии, артиллерии, гусарских и казачьих эскадронов, лейб-гренадерского полка и т. д., заняли свои места по всему Невскому проспекту от монастыря до царской резиденции. Император, императрица, их старшие сыновья Александр и Константин с супругами, прибыв в монастырь, в особой комнате наложили на себя печальные мантии и в сопровождении ассистентов вслед за обер- и гофмаршалами вошли в церковь, где после соответствующих духовной и светской церемоний гроб Петра III подняли, на него возложили корону³⁸ и понесли под балдахином до Святых ворот, за воротами гроб поставили под балдахин на колесницу, запряженную цугом восьмеркой лошадей под черными попонами.

Главной особенностью действия, созданного Павлом Петровичем, явилось практически точное повторение одного церемониала, ибо по сценарию перенесения тела Петра III из монастыря в Зимний дворец через три дня проходило шествие, но уже с двумя гробами обоих родителей Павла I в Петропавловский собор Санкт-Петербургской (Петропавловской) крепости. Все лица, назначенные для несения различных предметов в процессии, известны, описание церемониала сохранилось³⁹. Процессия была разбита на 172 группы и соответствовала установившейся со времен Петра I традиции. В ней были представлены все социальные группы, государственные учреждения, наука, культура, образование, регалии, в том числе короны: Сибирская, Астраханская, Казанская, Таврическая, Большая императорская, которая доверялась исключительно вице-канцлеру князю А. Б. Куракину, ордена, знаки государственной и личной символики, принимали участие все значимые особы того времени и т. д. Отражением изменения полного титула императора российского при Петре III стало присутствие трех личных лошадей: кроме обязательной императорской добавлялись личные лошади герцога Голштинского и герцога Шлезвига. В особой группе были представлены

Катафалк в Петропавловском соборе. Гравюра В. Иванова по рисунку М. Шапошникова. На ступенях изображены Павел I и Мария Федоровна

знамена, где кроме традиционных появились новые, соответствовавшие личному титулу Петра III, например Шлезвигское, Стормарнское, Дитмарнское, Ольденбургское, Делменгоргское. Процессия традиционно строилась по принципу старшинства: младшие впереди. «С приличным велелепием⁴⁰ высокому достоинству в Бозе почивающих высочайших особ»⁴¹ шествовали по утверждению митрополита Гавриила 360 человек духовной процессии с зажженными восковыми свечами и с хоругвями. В большой группе священнослужителей были все, участвовавшие в литургиях и панихидах последних дней: Преображенский протоиерей Лукьян, митрополит Санкт-Петербургский Гавриил, епископ Старорусский Досифей, архиепископ Казанский Амвросий и др. За гробом пешком всю дорогу от монастыря до Зимнего дворца шла императорская семья: Павел I и Мария Федоровна, цесаревич Александр и великий князь Константин с супругами и ассистентами, великие княжны и приближенные, все в черных епанчах⁴² и распущенных шляпах⁴³, офицеры в мундирах.

Несмотря на неординарность действия, церемониал императорских похорон был соблюден полностью. Традиционным был принцип построения процессии, разделение ее на группы, каждую из которых выводил церемониймейстер или маршал с жезлом. Полный титул монарха иллюстрировали гербы, изображение которых дублировалось несколько раз: на пополах лошадей, на знаменах, для наиболее важных гербов добавлялось изображение на щитах.

5 декабря тела обоих родителей Павла I были перенесены в Петропавловский собор Санкт-Петербургской (Петропавловской) крепости. Сценарий полностью повторял действие перенесения гроба с останками Петра III из Александро-Невского монастыря, незначительные изменения касались назначения чинов на участие в церемонии, например, граф А. Орлов-Чесменский, которому Павел Петрович доверил несение Казанской короны 2 декабря, в ритуале 5 декабря не участвовал, вместо него эту регалию нес генерал-лейтенант Измайлов⁴⁴. Но, безусловно, глав-

Памятная медаль на совместное погребение Петра III и Екатерины II

ным различием двух шествий было добавление катафалка с гробом Екатерины II, следовавшего в процессии первым перед печальной колесницей императора Петра III. За родительскими гробами шел Павел I в мундире и длинной печальной мантии, шлейф которой несли камергеры, за мужем всю дорогу пешком следовала Мария Федоровна с двумя генерал-аншефами в качестве ассистентов, в глубоком трауре под черным на голове покрывалом, ее шлейф простирался на три метра. За матерью шли цесаревич Александр в мундире и печальной мантии и великий князь Константин, далее их супруги.

Петропавловский собор был подготовлен к похоронам, литургия, проводимая архиепископом Псковским и Рижским Иннокентием, началась одновременно с движением печального кортежа. Когда процессия прибыла к собору, второстепенные участники мероприятия были отпущены, остальные заняли положенные им места в церкви. Гробы перенесли на великолепный катафалк, сделанный архитектором В. Бренной, и в час дня началось погребальное служение, так как литургия была уже окончена. Отпевал императоров митрополит Гавриил с собором священников⁴⁵.

С того момента объявлялся беспрепятственный допуск народа в собор, литургии и панихиды архимандриты правили в соборе по очереди. В XVIII веке между днем перевезения тела усопшего монарха в Петропавловский собор и реальным погребением проходил определенный период времени, когда подданные могли

отдать последнюю честь усопшему, попрощаться с его телом, выставленным посреди собора на богатом катафалке. Вследствие этого заложение гроба с телом в могильный склеп отодвигалось как от момента смерти, так и от момента отпевания на некоторый срок. Император Павел I решил совместить два дня поминовения в единой церемонии. 18 декабря 1709 года родилась любимая бабка императора Елизавета Петровна. Собственно, императрица Елизавета была двоюродной бабушкой Павла Петровича, ее родная сестра цесаревна Анна, герцогиня Шлезвиг-Гольштейн-Готторпская, мать Петра III, скончалась в 1728 году в Киле. Тело Анны Петровны по ее завещанию перевезли в Санкт-Петербург, где Б.-Х. Миних устроил истинно императорские похороны. Император Павел I, родившийся в 1754 году, своей настоящей бабушки не знал, но Елизавета Петровна всю свою нерастрченную материнскую любовь обратила на внучатого племянника. Павел Петрович сохранил трепетные чувства к своей бабушке и совместил в едином праздновании годовщину ее рождения и совместные и окончательные похороны своих родителей. В тот день Божественная литургия совершалась преосвященным Гавриилом соборно в теплом храме – Екатерининском приделе собора, далее после панихиды на могиле Елизаветы Петровны началась панихида по усопшим родителям действующего императора, во время которой камергеры и кавалергарды подняли гроб Екатерины II и опустили слева в приготовленный могильный склеп в южном нефе собора перед иконой апостола Петра, затем гроб Петра III был помещен в склеп с правой стороны, духовенство собралось слева от Царских врат и провозгласило Вечную память. На этом погребение было завершено, и император с семьей покинул церковь⁴⁶.

После окончания всего действия особы, определенные к несению регалий, торжественно вынесли их из собора, Большую императорскую корону нес А. Б. Куракин, единственный допущенный до главной государственной регалии. Торжественный кортеж прибыл к главной императорской резиденции, где императорские регалии были перенесены во внутренние комнаты

Зимнего дворца, расставлены там на подушках, «чем все и окончено».

Новый император отдал дань памяти свои родителям и мог заняться делами. 18 декабря 1796 года государь манифестом объявил о назначении первой совместной коронации императора Павла I и императрицы Марии Федоровны в Москве в апреле 1797 года⁴⁷.

Траур по Петру III и Екатерине II закончился 24 ноября 1797 года.

Впоследствии вполне законное и возможное действо обросло огромным количеством слухов. Трудно найти инвентора мифа о посмертной коронации Петра III, пожалуй, одного из самых распространенных в российской истории. Очевидно, родилась легенда в кругах, далеких от знания особенностей церемониальной жизни императорского двора, но подогревалась оппозиционерами Петра III и Павла I и сторонниками более успешной в политических делах российской императрицы Екатерины II, скорбящими о смерти благодетельницы. Однако рассмотрению всех слухов и легенд, связанных с так называемой «посмертной коронацией», должно быть посвящено отдельное исследование, остающееся за рамками этой темы, так же как и вопрос об участии графа А. Орлова в церемониале перенесения останков Петра III из Александро-Невского монастыря в Зимний дворец. Задача автора этой статьи заключалась в попытке привлечь внимание читателя к вопросу о том, что далеко не все кажущееся очевидным в истории является таковым. Незнание предмета, в данном случае жизни Российского императорского двора, и предвзятое отношение определенной группы современников к личности императора Павла I породило непонимание сути происшедшего у потомков и стало чуть ли не общим местом отечественной истории. Однако не все люди того времени воспринимали совместные похороны Петра III и Екатерины II с негативной стороны. Так, рассуждая о событиях, их современник А. Т. Болотов считал, что неприглядные причина и обстоятельства смерти императрицы без покаяния, без соборования, без изъявления последней воли и семьи, собравшейся около умирающей, возможно, были посланы русско-

му народу промыслом Божиим, ибо носились слухи о намерении ее передать престол через голову своего сына и законного наследника, которому присягали в день ее восшествия на престол 28 июня 1762 года. Поэтому вступление на престол Павла I, законного наследника и императора, произошло мирно и спокойно и «паче всего для всего народа радостно», а печаль по ушедшей монархине «поразительна и чувствительна»⁴⁸. Современники, неотягощенные неприятием всех деяний Павла Петровича, справедливо полагали, что Петр III был захоронен со всем небрежением, которое недостойно внука Петра I и императора, не в том месте, без мавзолея и церемонии, и расценивали решение Павла I о перезахоронении его отца исключительно в положительном ключе⁴⁹.

Еще одной из возможных причин перезахоронения можно назвать постоянно появлявшихся самозванцев, называвших себя Петром III. По сути, повторные похороны тела внука Петра I были повторением сюжета с перенесением останков царевича Димитрия, младшего сына Ивана IV, из Углича в Москву, с той лишь разницей, что осуществлялся императорский похоронный церемониал без канонизации, к которой прибегла власть в 1606 году, чтобы положить конец «воскресениям» убиенного царевича. В конце XVIII века народ должен был удостовериться, что подлинный низвергну-

тый император действительно умер 34 года назад и более объявиться не мог.

Прецеденты для перенесения останков хорошо известны русской истории. Одно из таких событий связано с формированием Александро-Невского монастыря, когда по приказу прадеда Павла Петровича Петра I мощи святого благоверного князя Александра Невского были торжественно перенесены на берега Невы из Владимира. 18 декабря 1797 года, в первую годовщину похорон Петра III и Екатерины II и в день рождения Елизаветы Петровны, Павел I оказал высокую честь монастырю, приказав его «переименовать Лаврою со штатом наравне с Киево-Печерскою и Троицкою Сергиевскою»⁵⁰.

Трудно не согласиться с князем П. А. Вяземским: «Все царствование Павла, вероятно, излишне очернено. Довольно и того, что было, но партия не довольствуется истиною»⁵¹.

Нынешний год богат на юбилеи. В 2013 году исполняется 400 лет с начала правления династии Романовых и 300 лет Александро-Невской лавре. События, описанные в этой работе, логически связаны с историей династии и лавры. Династии Романовых как правящей семьи уже не существует, хотя живы их потомки, но возрождается и усиливается святыня нашего города Александро-Невская лавра – один из главных духовных центров всей нашей страны.

Могилы Екатерины II и Петра III в Петропавловском соборе

- ¹ См. подробнее: Логунова М. О. Печальные ритуалы императорской России. М.; СПб.: Центрполиграф, 2011.
- ² РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 202. 1796. Л. 68–86.
- ³ Там же. Д. 200. 1796.
- ⁴ Там же. Д. 202. 1796. Л. 48–65.
- ⁵ Там же. 1796. Л. 87.
- ⁶ Камер-фурьерский церемониальный журнал 1796 года. СПб., 1896. С. 740–892.
- ⁷ РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 31; Ф. 516. Оп. 1/28/1618. Д. 82; Ф. 473. Оп. 3. Д. 1. Л. 25.
- ⁸ Молин Ю. А. Романовы. Путь на Голгофу. Взгляд судебно-медицинского эксперта. СПб.: Сударья, 2002. С. 298–299.
- ⁹ Болотов А. Т. Любопытные и достопамятные деяния и анекдоты государя императора Павла Первого. М., 1875. С. 1.
- ¹⁰ Шлафрок – домашняя одежда, халат.
- ¹¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXIV. 1796–1797. № 17530. С. 1.
- ¹² ПСЗ РИ. Собрание первое. Т. XXIV. 1796–1797. № 17538. С. 2.
- ¹³ О подробностях кончины и погребения великой княгини Натальи Алексеевны, первой супруги великого князя Павла Петровича, см. подробнее: Логунова М. О. Смерть и погребение великой княгини Натальи Алексеевны // История Петербурга. 2009. № 6 (52). С. 49–54.
- ¹⁴ См.: Федор Головкин. Двор и царствование Павла I. Портреты, воспоминания / Пер. с фр. А. Кукеля. М.: Олма-Пресс., 2003.
- ¹⁵ РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3912. Л. 78.
- ¹⁶ Летопись Александро-Невской лавры. Цит. по: Переворот 1762 года. Сочинения и переписка участников и современников. Третье изд. / Сост. Г. Балицкий. М.: Московское книгоизд. товарищество «Образование», 1908. С. 158–159. Н. К. Шильдер в своем жизнеописании Павла I предполагает, что первый визит Павла к могиле отца с повелением о вскрытии произошел 8 ноября, однако упоминание о событии в материалах архивных дел отсутствует. Шильдер Н. К. Император Павел Первый. Историко-биографический очерк. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1901. С. 286.
- ¹⁷ Летопись Александро-Невской лавры. С. 159.
- ¹⁸ По архивным материалам, тело было вынута из земли 20.11.1796. РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 200. Л. 16.
- ¹⁹ Сафонов М. М. Вторичные похороны Петра III как масонский ритуал / Фигуры Танатоса. Философский альманах. Пятый специальный выпуск. СПб., 1995. URL: <http://anthropology.ru> (дата обращения 13 ноября 2011). Идея о воплощении «масонского» ритуала при перезахоронении Петра III остается за рамками выбранной темы и в данной работе не рассматривается.
- ²⁰ ПСЗ РИ. Собр. 1649–1825. Т. 24. № 17.906, 17.908, 17.909, 17.910. С. 525–589.
- ²¹ См.: Сафонов М. М. Указ. соч.
- ²² Камер-фурьерский журнал. Л. 789–790.
- ²³ РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 202. Л. 74 об., 75; Переворот 1762 года. Сочинения и переписка участников и современников. С. 159.
- ²⁴ *Castrum Doloris* (лат. – Замок боли) – Каstrум Долорис – убранство Печальной (траурной) залы.
- ²⁵ Летопись Александро-Невской лавры. С. 159–160.
- ²⁶ Подробнее об императорском траурном церемониале см.: Логунова М. О. Печальные ритуалы императорской России. М.; СПб.: Центрполиграф, 2011.
- ²⁷ Кузнецова Л. К. Петербургские ювелиры. Век восемнадцатый, бриллиантовый... М.: Центрполиграф, 2009. С. 383–384.
- ²⁸ РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3912. Л. 79.
- ²⁹ См.: Сафонов М. М. Указ. соч.; Зортман Р. С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I / Пер. с англ. С. В. Житомирской. М.: ОГИ, 2004. С. 232–233.
- ³⁰ См.: Логунова М. О. Гендерное прочтение коронационного церемониала Российской империи XVIII в. // Клио. 2012. № 11 (71). С. 52–56.
- ³¹ РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 202. Л. 77 об.. Каstrум Долорис располагался в Гербовом зале Зимнего дворца.
- ³² Логунова М. О. Печальные ритуалы императорской России. М.; СПб.: Центрполиграф, 2011. С. 139.
- ³³ РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 202. Л. 78.
- ³⁴ Голштинский орден Св. Анны, учрежденный в 1735 г., введен в наградную систему Российской империи императором Павлом I в 1797 г. как династическая награда.
- ³⁵ Головина В. Н. Мемуары. М.: АСТ: Астрель: Люкс, 2005. С. 148.
- ³⁶ Летопись Александро-Невской лавры. С. 160.
- ³⁷ Там же. С. 160–161.
- ³⁸ Очевидно, корону для несения на гробе, выполненную братьями Термен.
- ³⁹ РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 202. С. 48–65 об.
- ⁴⁰ Пометка чиновника Экспедиции церемониальных дел: «Так в тексте».
- ⁴¹ РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 202. Л. 61.
- ⁴² Епанча – плащ.
- ⁴³ Распущенная шляпа – шляпа с опущенными полями.
- ⁴⁴ В материалах дел не указаны инициалы генерал-лейтенанта Измайлова, поэтому по ним нельзя указать точно, кому была поручена Казанская корона во втором церемониале. В это время при дворе находилось несколько человек с такой фамилией.
- ⁴⁵ Летопись Александро-Невской лавры. С. 160–161.
- ⁴⁶ Там же. С. 161.
- ⁴⁷ ПСЗ РИ. Собрание первое. Т. 24. № 17.656. С. 243–244.
- ⁴⁸ Болотов А. Т. Памятник претекших времен, или Краткие исторические записки о бывших происшествиях и носившихся в народах слухах. М.: Изд. Л. С. Киселева, 1875. С. 165.
- ⁴⁹ См.: Болотов А. Т. Любопытные и достопамятные деяния и анекдоты государя императора Павла Первого. М., 1875.
- ⁵⁰ ПСЗ РИ. Собрание первое. Т. 24. № 18.273. С. 821.
- ⁵¹ Шильдер Н. К. Император Павел Первый. Историко-биографический очерк. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1901. С. 293.

